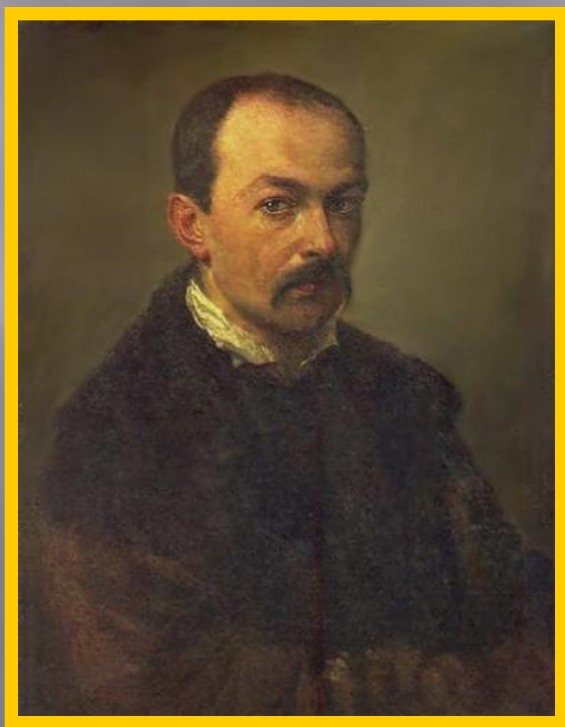

Живописный анекдот Павла Федотова

Творческое кредо. Живописный «анекдот».

Творческое кредо художника, четко проявившееся в разоблачающей взяточничеству акварели *"Передняя частного пристава накануне большого праздника"* (1837), закрепляется в сатирических сериях, исполненных в 1844-46 гг., (*"Следствие кончины Фидельки"*, *"Бедной девушке краса - смертная коса"*). В первой картине маслом (*"Свежий кавалер. Утро чиновника, получившего первый крестик"*, 1846) - сцене с мелким чиновником, который с похмелья кичится своей наградой перед девкой-сожительницей, – ирония достаточно добродушна, сочетаясь, как у старых голландцев, с умением (по выражению самого художника из его записных книжек) "ожемчуживать равно и слезу горести, и слезу радости", - иными словами, поэтически детализировать среду действия, не впадая в злой гротеск. То же добродушие живописного анекдота, перед которым зритель "не зябнет", господствует в *"Сватовстве майора"* (1848) и *"Завтраке аристократа"* (1849-50).

В обоих случаях комизм ситуации возникает из мелкого тщеславия, заставляющего "антигероев" картин маскировать свою социальную сущность: средней руки купчишка, желая "облагородиться", выдает дочь за майора, обедневший дворянин спешно прячет свой убогий завтрак, услышав стук в дверь. Бытовая мельтешня обретает уже не комический, а трагикомический характер в сцене сватовства горбуна в картине *"Разборчивая невеста"* (1847).

Закрепляя успех, Федотов порой пишет варианты своих картин.

Гоголь русской живописи. Эволюция стиля художника.

Но чем уверенней Федотов ощущает драматическую силу красок и форм, тем решительней он отходит от нравоучительного юмора и сатиры. Веселая пестрота колорита сменяется стремлением к тональному единству цветоцветовой среды. В нескольких вариантах картины *"Вдовушка"* (1851-52) живописная режиссура отнюдь не анекдотична, претворяясь в меланхолически-сентиментальную поэму о женском одиночестве.

Последние картины художника все более напоминают уже не обстоятельно-бытописательский "физиологический очерк", характерный для русской литературы 1840-х годов. Чувством роковой безысходности полна картина *"Анкор, еще анкор!"* (1851-52), где отупевший от скуки офицер убивает время в пустой игре с пуделем. Атмосфера духовного тупика сгущена до предела благодаря мастерскому тональному решению тесного, сумрачного интерьера избы, озаренного неверным пламенем свечи.

То же сумрачно-тупиковое настроение царит в *"Игроках"* (1852): картежники-полуночники уподоблены гротескным манекенам, что особенно остро ощущается в подготовительных набросках, где фигуры лишены голов.

Автобиографические тексты, записные книжки, письма Федотова демонстрируют и его незаурядный литературный талант. Он также писал стихотворные пояснения к своим картинам, басни, лирические стихотворения, сочинил несколько романсов и музыку к ним.

Передняя частного пристава накануне большого праздника. 1837

Следствие кончины Фидельки. 1844

Бедной девушке краса — смертная коса (Мышеловка). 1846

Первое утро обманутого молодого. 1844

Свежий кавалер (Утро чиновника, получившего первый крестик). 1846

**«Где завелась дурная
связь, там и великий
праздник – грязь»**

На картине – небольшая комната, беспорядок (видно, что накануне состоялась товарищеская пирушка). В центре – босиком, в полосатом халате, с папильотками на голове, в позе античного героя – самодовольный молодой человек.

Он демонстрирует служанке свою первую награду – крестик, приколотый к халату. На служанку это не производит впечатления и она с насмешливой улыбкой подаёт ему единственные, да и то стоптанные и с протёртыми подошвами, сапоги.

Под столом виден один из вчерашних гостей, спросонья наблюдающий за домашней сценой.

Художник смеётся над героем вместе с нами, но его смех не злой. Он создаёт сатирический карикатурный, но очень реалистический, образ.

Сватовство майора. 1848—1849

Начинается, начинается рассказ о том, как люди на свете живут,
Как иные на чужой счет жуют.

Сами работать ленятся, так на богатых женятся.

Вот извольте-ко посмотреть: вот купецкий дом, - всего вдоволь в нем.

.....

Вот сам хозяин-купец, денег полон ларец; есть что пить и что есть...

.....

Как в параде весь дом: всё с иголки в нем; только хозяйка купца
не нашла, знать, по головке чепца. по-старинному - в сизом платочке.
Остальной же наряд у француженки взят...

.....

Дочка в жизнь в первый раз, как боярышня у нас, ни простуды не боясь,
... плечи выставила напоказ – шейка чиста, да без креста.

.....

Как, справа, отставная деревенская пряха, Панкратьевна-сваха,...
Толстая складом, пришла с докладом: жених, мол, изволил пожаловать.

.....

Как в другой горнице грозит ястреб горлице, - как майор толстый, бравый,
Карман дырявый, крутит свой ус: "Я, дескать, до денежек доберусь!" ....

*П. А. Федотов «Рацея» - Объяснение картины
«Сватовство майора» (фрагменты)*

Разборчивая невеста. 1847

«Красавица, пока совсем
не отцвела,
За первого, кто к ней
присватался, пошла,
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку».

Искусно выстроенная мизансцена изображает брак-сделку, столь распространенный в среде аристократического чиновничества.

Здесь господствуют лицемерные нравы. Этот жаждущий богатства жених своим внешним уродством уравновешивает нравственное уродство «засидевшейся» невесты, благосклонно ему внимающей.

Позы и жесты родителей, подслушивающих за портьерой, еще больше усиливают общее ощущение фальши.

Всё холера виновата. 1848

Как лукавого в грехах
Наш брат вечно укоряет,
Так, когда холеры страх
В городе гуляет.
Все всему она виной,
Всё холера. Так, иной
Чуть до вкусного
дорвётся,
Не утерпит - так
нажрётся,
Что в здоровую-то пору
Переварить желудку в
пору.
Так под час забывши
страх,
На приятельских пирах
Выпивши одного вина
По полдюжины на брата.
Смотрим худо – кто ж
вина?
Всё холера виновата.

Павел Федотов

Завтрак аристократа. 1849—1850

«Не в пору гость»

Представленная ситуация сама по себе не уродлива, не безобразна.

Сюжет читается достаточно ясно: обедневший аристократ сидит в роскошном показном интерьере. Заслышав шаги гостя, он прячет кусок хлеба, который составляет весь его завтрак.

Перед нами одна из любимых федотовских тем — ложь, надувательство, скрывающиеся за видимым благополучием.

До этого художник неоднократно решает эту тему на разный лад - одна из его графических работ сопровождалась надписью: «Эх, русская барыня, напоказ живешь!»

Вдовушка

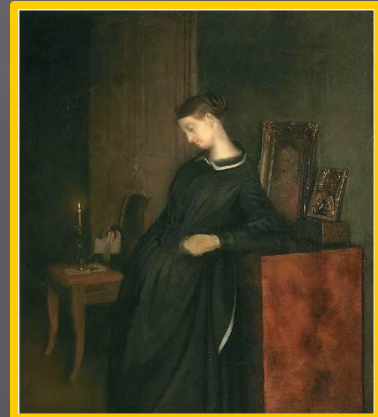
1851-1852 гг.

1851 г.

1852 г.

1852 г

Мысль об этой картине зародилась в нем (и, верно, сразу с названием) еще в Москве, когда с бессилием терзался над судьбой **сестры Любиньки**, мучившейся при жизни мужа, а теперь, после его смерти, повергнутой в пучину новых бедствий — долгов, нищеты, да еще в ожидании готового вот-вот явиться на свет ребенка. Уже тогда употребил он в письме к Дружинину слово «вдовушка», используя свойство, кажется, одному русскому языку свойственное — придавать ласковый оттенок уменьшительному обороту. Он не захотел сочинять «сложную» композицию, подробно рассказывая о бедствии. Может быть, прежде и показалось бы соблазнительным изобразить гроб, стоящий на столе в убогом жилище, толпу кредиторов, осаждающих испуганную молодую женщину, оставшуюся без покровительства, судебного исполнителя, руководящего накладыванием печатей на имущество, старушку няню, тщетно пытающуюся урезонить незваных пришельцев, и прочее, но сейчас ему интересно было не столько событие в неприглядной живописности его бытовых подробностей, сколько сама несчастная и ее горести.

Все прошедшее и будущее должно было только угадываться в намеках.

На переднем плане разместилась **Вдовушка**, облокотившись на комод. Вещей немного. Столовое серебро, наваленное в корзину и бесприютно выставленное прямо на пол. Стул, придвинутый к опечатанной двери. Крохотный столик на одной ноге. Постель, еле видная в темном углу. На стуле свеча, но не для света, а для того, чтобы греть на ней сургуч. На всем болтаются ярлыки с печатями. Только несколько вещей остались не поруганы казенным сургучом. Это комод красного дерева, а на нем портрет мужа (тут Федотов не удержался, написал себя самого, только в гусарском мундире), образ Спаса, корзинка с яркими мотками ниток для вышивания, шкатулка, папка, из которой высовывается нотный листок, толстая книжка с закладкой, может быть Евангелие, да еще на полу прислоненные к комоду пальцы с неоконченным вышиванием, бережливо обернутые чистой тряпицей.

Это маленький островок сбившихся беспорядочно, подобно овцам в грозу, вещей — то немногое, что у Вдовушки осталась, к чему она оттеснена нашествием казенного мира, за что она держится, — кусочек ее прошлой жизни, состоявшей из незатейливых радостей и необременительных забот.

Написать все это Федотова не затруднило. Главное препятствие, надолго задержавшее его работу, было в самой героине.

Вдовушка виделась ему не просто молодой женщиной, проливающей слезы по мужу, а воплощением женственности, чистоты, гармонии — идеальных черт, поднимающих ее над обыденной жизнью, и скорбь ее должна была быть страданием чистой души в грубом и жестоком мире

Это маленький островок сбившихся беспорядочно, подобно овцам в грозу, вещей — то немного, что у Вдовушки осталась, к чему она оттеснена нашествием казенного мира, за что она держится,— кусочек ее прошлой жизни, состоявшей из незатейливых радостей и необременительных забот.

Написать все это Федотова не затруднило. Главное препятствие, надолго задержавшее его работу, было в самой героине.

Вдовушка виделась ему не просто молодой женщиной, проливающей слезы по мужу, а воплощением женственности, чистоты, гармонии — идеальных черт, поднимающих ее над обыденной жизнью, и скорбь ее должна была быть страданием чистой души в грубом и жестоком мире

Он долго бился над ускользающими из-под рук очертаниями идеала. Просил позировать знакомых дам. Бродил по Смоленскому кладбищу, присматриваясь к молодым женщинам, горюющим на могилах. С особым вниманием присматривался он и к детским лицам, в них ища нужные ему чистоту и нежность.

В августе он приехал в Царское Село к давнему приятелю Лебедеву. В тот же вечер друзья отправились в Павловск на концерт , и там среди слушателей Федотов" вдруг углядел молодую девушку в трауре.

«Счастливый вечер; вот у меня есть и любящие глаза!»

Через неделю картина была уже закончена. Федотова поздравляли с удачей, но сам он, чем более присматривался к картине, начинал понимать, что желаемого все-таки не достиг. Незнакомка хоть и помогла, да не до конца. Милая и добрая женщина была чересчур обыденна со своим опухшим от слез лицом, заметно выдавшимся вперед животом и несколько неуклюжей позой. В ней была покорность страданию, даже растворенность в страдании, но не было высокой духовности, способной поднять человека над любыми страданиями, на которые обрекает его жестокость жизни и слабость собственной плоти.

«Вдовушка» Первый вариант

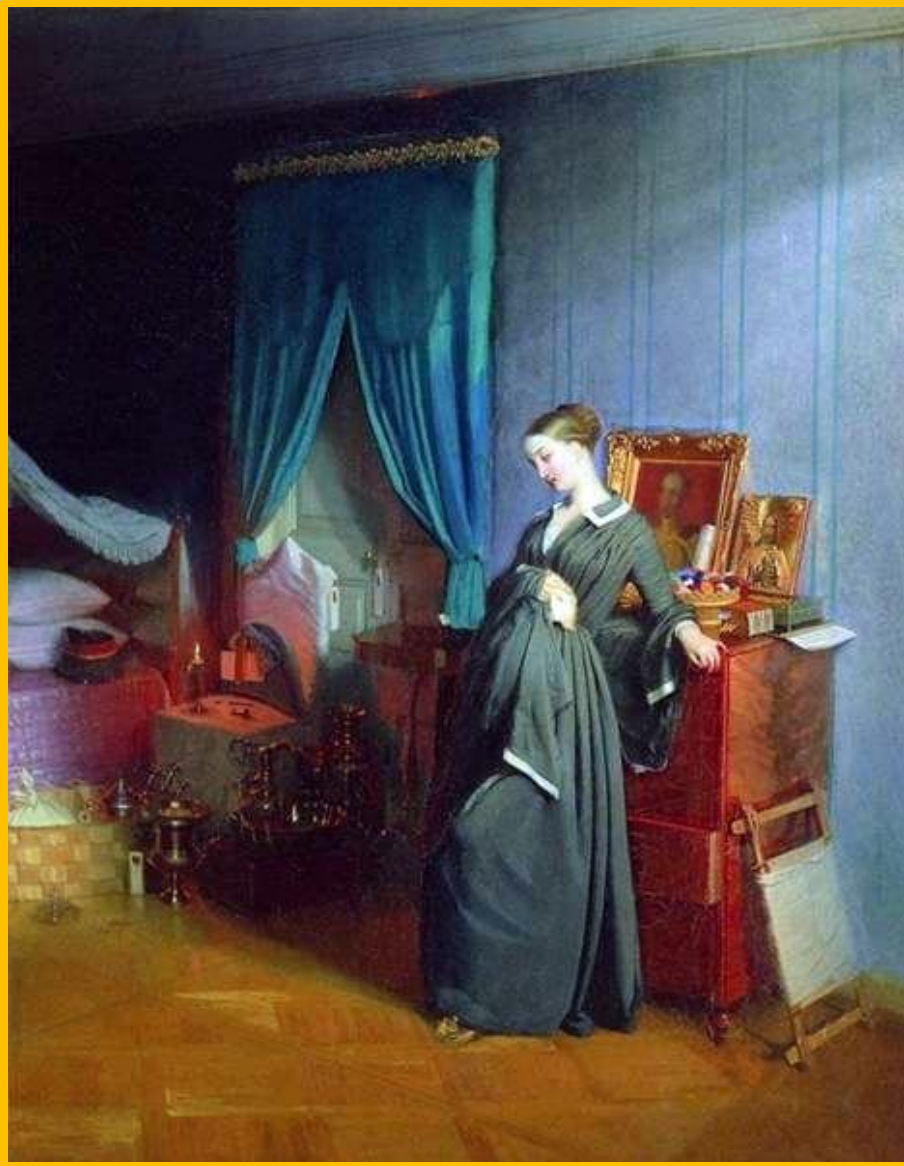
Тут-то и проверяется характер. **Федотов** не разломал подрамник, не изрезал в куски холст и не бросил его в печку. Стыдиться ему было нечего, работа была сделана на совесть. Не стал переписывать лицо — это значило бы замучивать живопись. Огорченный, но не обескураженный, он начал новый вариант.

Перекомпоновал почти все детали. Изменил колорит. Решительно обошелся с героиней: переменял лицо, позу, фигуру, даже одел немного иначе. **Переделал и портрет мужа, написав вместо себя другого человека.**

Не скоро дело делается, однако и **вторая «Вдовушка»** стала наконец перед ним, готовая вполне и выделанная так же тщательно, как первая, однако он и ею остался недоволен. Приземленность и невзрачность в самом деле ушли, однако взамен явились качества, совсем неожиданные и даже неуместные. Молодая женщина стала поизящнее, но в этой изящности обнаружилось сродство с модной картинкой — так кокетливо она изогнула свой стан, так жеманно отогнула мизинчик, так манерно ниспадали складки платья, так холодно и по-светски томно стало выражение лица, так ярко губы, а в слегка приоткрытой груди чудилось нечто едва ли не игривое.

Федотов Павел

«Вдовушка» 1851-1852 г. (второй вариант с лиловыми обоями)

Он и этот вариант довел до законченности, после чего отставил в сторону и принялся за третий. На академическую выставку 1851 года (предыдущую пропустил) он, подумав, выбрал первый вариант в нем все-таки было больше жизни и неподдельного чувства. На выставке «Вдовушка» шума не произвела. Собственно, и провисела-то она всего несколько дней. Богач и меценат К. Солдатенков забрал картину, не дожидаясь закрытия выставки, и увез к себе в Москву. А Федотов начал работать над третьим вариантом. Уже и фигуру уточнил, чтобы не так простовата была, как первая, но и не так манерна, как вторая, и руки расположил иначе, и складки на платье, сохранил только верно найденный наклон головы к правому плечу.

Однако лица-то не было. Он продолжал совершать вылазки на Смоленское кладбище и присматриваться ко всем встречаемым на улице женщинам. Написал вдруг картину «Мадонна с младенцем» :...я захотел испробовать свои силы. Сверх того, мне нужно добыть себе мягкости, грации, неземной красоты в лицах. ..»

Федотов Павел

«Вдовушка (третий вариант с зеленой комнатой)» Около 1852 г.

То ли христианские, то ли языческие боги помогли, или, наконец, время подошло, чтобы неустойчивый труд дал плод, но случилось то чудо, что случается порой у больших художников. Федотов сел перед едва начатым холстом, на котором была только едва набросанная фигура и несколько отделанных предметов, и, проработав подряд вечер, ночь и утро, закончил картину. Ликование его было так велико, что им невозможно было не поделиться.

Проезжавший мимо Дружинин был остановлен, как обычно, стуком в оконное стекло, вслед за чем и сам Федотов выскочил на улицу: «Заходите, заходите живее... Хорошо, что вы были у меня вчера... вы увидите вещь, за которую меня иной может ославить лгуном!»

Совершенно готовая картина поразила Дружинина: «Вы шутите надо мною, Павел Андреич, неужели это дело одного вечера и одного утра?» — «И одной ночи. Нынче, слава богу, рано рас-светает. Со мной произошла штука, феномен, чтобы сказать благообразнее, о котором я до сих пор понятие имел только приблизительно. У меня будто искра зажглась в голове; я не мог спать, я чувствовал в себе силу чрезвычайную; мне было весело;

я сознавал каждой жилкой то, что мог в эти минуты сделать. Никогда не доводилось мне работать с такой легкостью и так успешно: каждый штрих ложился куда следовало, каждое пятнышко краски подвигало все дело.»

Анкор, еще анкор! 1851—1852

О чем эта картина? О несчастной судьбе некоего пехотного офицера, полк которого квартирует в какой-то российской глухомани? Но мы не знаем героя картины настолько, чтобы хоть сколько-нибудь проникнуться его личной судьбой. «То ли это распутник, изгнанный из гвардии за безнравственное поведение и не достойный никакого сочувствия, то ли туповатый армеец, лишенный духовных притязаний и вполне удовлетворяющийся полуштофом водки и игрой с пуделем, то ли юная и чистая душа, заточенная в мучительное одиночество. Да и обстоятельства его, в сущности, преходящие, относительные, они не из тех, что так омрачают и драматизируют нашу жизнь, — нищета, болезни, потеря близких, разорение. О них вполне можно было бы поведать и в мирно-жанровом тоне... и в юмористическом, и в трогательном, и в каком угодно ином. В конце концов, офицер жив, о двух руках и ногах, по всей видимости, здоров и ничто ему не угрожает. Он небогат — это очевидно, но он еще выслужится, у него все впереди.

Не в судьбе офицера дело, не в бедности и не в провинции, а в гибели человеческой души, обреченной на ничто, загубленной попусту. Глушь, о которой идет речь в картине, — не географическая, она простирается от Петербурга до Ельца и от Москвы до Иркутска, , и нелепейший плеоназм, составляющий название картины („*encore*“ по-французски и означает „еще“), — сам по себе словесная находка, удивительно выражающая идиотизм всеобъемлющей российской провинциальности.

Хорош или плох, умен или глуп человек, лежащий на лавке и погоняющий пуделя, — до того нам нет дела. В любом случае это гибнущий человек.

Игроки. 1852

В последней картине Федотова «Игроки» тема карточной игры развивается в загадочное драматическое действие.

Странная комната освещена свечами, отчего вокруг пляшут зловещие тени. Игра закончена, и трое игроков встали, разминая затёкшие от долгого сидения тела.

Лиц у них как будто нет. Можно рассмотреть лишь лицо проигравшего, который сидит за столом в оцепенении. Он похож на Федотова.

На стене висят пустые рамы — три игрока словно вышли из них.